
В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА

ВИКТОР МОИСЕЕВИЧ ПАНЕЯХ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Мне несколько раз приходилось писать о В. М. Панеяхе, моем учителе¹. Сейчас я вспоминаю, как 20 лет назад мы (единственный раз) были соавторами, когда писали после кончины Я. С. Лурье статью о нем для «Вспомогательных исторических дисциплин» — «Я. С. Лурье — источниковед»². Название предложил В. М. Он написал первую часть статьи, где разбирал работы Я. С. о методах источниковедческих исследований, а я вторую часть — о трудах по истории летописания. В. М. придавал работам Я. С. по методологии большое значение. По его мнению, Я. С. лучше других сумел выразить суть тех проблем, с которыми сталкивается историк при обращении к источникам. Рефреном в работах Я. С., по мнению В. М., звучала мысль о том, что «в основе всякого исторического факта, знания, обнаруженной закономерности лежит источник, подвергнутый внутренней и внешней критике»³. Одна из главных трудностей на этом пути заключается в том, что исследователь иногда анализирует отдельные известия памятника, иногда же оценивает его в целом. Порой эти данные приходят в противоречие, и Я. С. настаивал, что оценка памятника (его структура, история текста и пр.) всегда должна превалировать над оценками отдельных частей и известий. Последние должны исходить из первой. Реализация этого принципа на деле сложна, в особенности, когда речь идет о летописях. Я. С. Лурье принадлежал к направлению, для которого все русское летописание являлось единым генеалогическим деревом, так что невозможно понять отдельную ветвь этого древа, не оглядывая всю его крону

¹ *Вовина-Лебедева В. Г.*: 1) Виктор Моисеевич Панеях // *Времена и судьбы: сборник в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха*. СПб., 2006. С. 16–37; 2) Виктор Моисеевич Панеях // *Виктор Моисеевич Панеях: (К 80-летию со дня рождения): биобиблиографический указатель трудов. 1952–2010*. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 6–10; 3) *Историк Виктор Моисеевич Панеях* // *Клио*. 2017. № 8 (128). С. 206–211.

² *Вовина-Лебедева В. Г., Панеях В. М.* Я. С. Лурье — источниковед // *ВИД*. СПб., 1998. Т. 26. С. 345–363.

³ Там же. С. 349.

и ствол. Это была школа А. А. Шахматова, учеником которого был Д. М. Приселков, учитель Я. С. В. М. с глубоким уважением отметил, что Я. С. был в своем научном творчестве неизменно верен заветам учителя, которого «с полным основанием причисляют к петербургской исторической школе»⁴.

Действительно, Я. С. Лурье очень много сделал для исследования творчества своего учителя, издавал и переиздавал его труды. И это роднило его с В. М. Панеяхом, также верным учеником своего учителя Б. А. Романова и исследователем научного творчества последнего. Виктор Моисеевич родился 30 июня 1930 г. в Саратове, но с детства жил в Ленинграде. После окончания школы он в 1948 г. поступил на исторический факультет Ленинградского университета, где и встретился с Борисом Александровичем Романовым. В 1956 г. В. М. поступил в аспирантуру при Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР, то есть ЛОИИ (так тогда назывался нынешний СПбИИ РАН), и институт стал его домом на всю жизнь.

Под руководством Б. А. Романова он еще в студенческие годы занялся историей русского холопства, и потом эта тема на долгие годы стала основной в его научном творчестве: вылилась в написание трех монографий, множества статей, участие в конференциях, публикацию источников и комментариев к ним. Б. А. Романов, как это было принято в кругу петербургских ученых его времени и выучки, учил, что любое исследование должно базироваться на тщательно собранном материале, который следует критически осмыслить. Главную черту петербургской научной школы В. М. определял, пользуясь словами А. Е. Преснякова (учителя Б. А. Романова), как «научный реализм» и «непосредственное отношение к источнику и факту», вне зависимости от историографической традиции, как восстановление прав источника и факта, освобождение процесса их анализа от заранее установленных схем. Уже первые статьи⁵ и первая книга В. М. о каменных холопах были написаны именно в таком ключе⁶.

Статья, написанная еще при жизни Б. А. Романова, была посвящена так называемым «деревенским кабалам». Она сразу же привлекла внимание ученого сообщества и заставила говорить о появлении нового

⁴ Там же. С. 345.

⁵ *Панеях В. М.*: 1) К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. 1956. Т. 5. С. 141–146; 2) Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. : (Опыт реконструкции) // История СССР. 1960. № 1. С. 175–181; 3) Записные книги старых крепостей конца XVI в. // Проблемы источниковедения. 1963. Т. 11. С. 346–363; 4) О классификации и составе каменных и записных книг старых крепостей XVI в. // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 397–402.

⁶ *Панеях В. М.* Каменное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

яркого таланта. Особый вид служилых кабал, названных им «деревенскими», был открыт предшественником В. М. в исследовании этой темы В. Г. Гейманом⁷, который обнаружил их в фонде Спасо-Прилуцкого монастыря в составе Архива ЛОИИ. По мнению многих современников, это был выдающийся вклад в археографию и источниковедение древнерусского средневековья. С. Н. Валк еще в довоенный период увидел тут возможность «наметить некоторый особый путь в многосложном процессе крестьянского закрепощения»⁸. Получалось, что В. Г. Гейман нашел новый тип неволи в Московской Руси: неволю деревенского кабального человека.

После В. Г. Геймана несколько десятилетий в исследование этих документов не было внесено ничего существенного. Только В. М. смог взглянуть на них по-новому, пересмотреть открытые В. Г. Гейманом проблемы и поднять при этом важные источниковедческие и исторические вопросы. Так, В. Г. Гейман четко различал по формулярам изученных им документов кабалы и порядные записи, но В. М. сумел показать однотипность в ряде случаев формуляра документов, называющих себя кабалами, с теми, которые идентифицировали себя как порядные. Причем иногда эта квалификация являлась двойной: «кабала» в тексте и «порядная» на обороте. В ряде случаев, по наблюдениям В. М., монастырские власти использовали формуляры служилых («деревенских») кабал для оформления сделок, которые по сути ничего общего с кабалой не имели. Все эти наблюдения чрезвычайно важны до сих пор, поскольку выводят на общую источниковедческую проблему, которая касается не только актов, но и почти всех типов документальных и нарративных источников по русскому Средневековью: самоидентификация документа часто противоречит его сути, и это еще нуждается в осмыслении.

Хотя монастырские власти произвольно использовали термины «кабала» и «порядная», В. М. выделил три вида документов: 1) порядные особого «спасо-прилуцкого типа» (по В. Г. Гейману), в которых упоминается обязательство платить тягло (этому обстоятельству и В. Г. Гейман и В. М. придавали особое значение) и употребляется термин «порядная» 2) деревенские служилые кабалы, которые называют себя «кабалами» и в которых отсутствует обязательство уплаты тягла; 3) деревенские служилых кабалы, которые использовались для оформ-

⁷ Выдающийся историк и правовед В. Г. Гейман до 1952 г. был сотрудником ЛОИИ, долгое время совмещал эту работу со службой в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки (ныне — РНБ), с 1952 г. полностью перешел туда (ум. в 1965 г.). В то время, о котором идет речь, В. Г. Гейман был признанным специалистом по вопросу, к которому обратился В. М.

⁸ *Вовина-Лебедева В. Г.* Историко-археографический институт и Ленинградское отделение Института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 108. (Серия: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения).

ления крестьянского порядка и в которых было записано обязательство тянуть тягло, но при этом употреблялся термин «кабала». Таким образом, классификация В. М. хотя и основывалась на формуляре документов, оказалась не формальной, а исходила из исторических реалий (то есть из существа явлений), в них предположительно отраженных. Тут сказалось различие его и В. Г. Геймана школ: последний был по образованию юристом и специалистом по истории права, а В. М. историком. Поэтому В. Г. выделял лишь два первых типа, а В. М. увидел существование третьего, который по формуляру примыкал ко второму, а по существу отражал то же явление, что и первый.

Но при этом В. М. поставил вопрос: можно ли на основании простого отсутствия в одном из видов кабал (втором) обязательства тянуть тягло, но в остальном при тождественности формуляра его с третьим видом прокладывать между ними грань? Другими словами, речь шла о реальности тех отношений, которые, как предполагал В. Г. Гейман, стояли за вторым типом документов. От решения этого вопроса зависело признание или же нет существования особого социального слоя, который В. Г. Гейман назвал «деревенскими служилыми людьми». Последний считал, что, если в документе не упоминается тягло (да к тому же он называется «кабалою»), значит, речь идет не о крестьянах, а о кабальных людях. В. М. в противоположность этому предположил, что само по себе отсутствие указания на обязанности в отношении государства (то есть на уплату тягла) еще не обязательно предполагают отсутствие самих этих обязанностей. Но даже в том случае, если заемщики действительно освобождались от тягла, достаточно ли этого для того, чтобы выделять их в особую категорию «деревенских служилых людей»? По мнению В. М., «не только отсутствие указаний в наших документах на обязательство тянуть государево тягло, но и самый факт отсутствия таких обязательств перестает быть критерием существенного различия между теми так называемыми деревенскими служилыми кабалами, которыми, по мнению В. Г. Геймана, оформлялась неволя так называемых деревенских кабальных людей (второй вид документов, по нашему счету) и теми из них, которые <...> использовались спасоприлуцкими монастырскими властями для оформления крестьянского порядка (третий вид документов)»⁹. И далее В. М. подводил читателя к выводу, что «если все различия между сравниваемыми документами являются мнимыми, то это дает основание для следующего вывода: все три рассмотренных вида документов оформляли однотипные отношения, одну форму зависимости»¹⁰. Это означает, что не существовало

⁹ Панях В. М. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабалах ... С. 219–220.

¹⁰ Там же. С. 220.

в действительности выделяемых В. Г. Гейманом «деревенских кабальных людей», а просто для оформления крестьянского порядка в Спасо-Прилуцком монастыре, наряду с обычными порядными, использовались служилые кабалы (а также, как дополнительно показал В. М., и заемные кабалы в тех случаях, когда условия порядка являлись предметом устной договоренности) вместо порядных записей.

Мы подробно остановились на этой ранней статье В. М. потому, что она очень ясно показывает: едва приступив к теме холопства, он сразу же продемонстрировал определенные свойства и выучку, которые были присущи его трудам в дальнейшем, а именно филигранный источниковедческий анализ, строгое следование логике и определенной, как он любил выражаться, «иерархии исследовательских процедур». В итоге на столь тщательно подготовленной основе делался важный вывод исторического характера, который трудно оспорить. Это была именно та «непроницаемая плотина из фактов», возведение которой ждал от своих учеников Б. А. Романов. В статье сказывается влияние отточенных по форме и остроумных по содержанию работ Б. А. Романова, хотя при этом хорошо видна и творческая личность самого В. М.

Таким же изящным был и анализ записных книг старых крепостей, произведенный В. М. несколькими годами позже¹¹. Он показал значение ретроспективных материалов по XV–XVI вв., помещенных в этих книгах, составление которых началось после Уложения о холопах 1597 г. Несмотря на то что подобные книги сохранились лишь во фрагментах и только по Водской и Шелонской пятинам Новгорода и по Пскову, В. М. показал богатство этого источника и то, какие он дает возможности для исследования разных видов холопьем зависимости и построения генеалогий холопских семей.

Приступая к двум последующим книгам, посвященным не только кабальным холопам, а холопству в целом, и написанным на материале хронологически более широком¹², В. М. следовал подобным же принципам: сначала критически исследовать источники, затем уже использовать их. Это видно и в источниковедческих разделах обеих монографий, и в большой статье, посвященной главному историческому источнику по истории холопства этого периода¹³. Так, определяющую роль в решении вопроса о различии социальной природы холопов и крестьян в XVI – начале XVII в. — важнейший вывод второй монографии

¹¹ См. примеч. 5.

¹² *Панях В. Г.*: 1) *Холопство в XVI – начале XVII в.* Л., 1975; 2) *Холопство в первой половине XVII в.* Л., 1984.

¹³ *Панях В. М.* Кабальные книги первой половины XVII в. // *ВИД.* 1979. Т. 11. С. 89–113.

В. М. — сыграл проведенный им анализ писцовых книг в сопоставлении с кабальными книгами и записными книгами старых крепостей. Во время написания третьей книги его внимание было приковано к анализу кабальных книг за 1614–1615 гг., законодательству и судебным материалам, отражающим тяжбы по холопским делам. В. М. показал, что значение кабальных книг как источника прежде всего заключается в том, что в них регистрировались не только служилые кабалы, но также документы другого рода: данные грамоты на старинных холопов, купчие, челобитные о спорных холопах, крестьянские порядные и пр. Таким образом, кабальные книги по определению В. М. превратились в универсальные книги, которые фиксировали зависимость людей безотносительно к их правовому статусу.

Большинство упомянутых выше источников не были предметом такого рода подробного анализа до того, как к ним приступил В. М. Тем не менее он не считал, что достойна похвалы лишь та работа, которая вводит в оборот новые источники. В. М. любил вспоминать Б. А. Романова, говорившего, по его словам, что написать работу по новым источникам может любой, а вот найти в старых, давно введенных в оборот памятниках новые возможности для интерпретации — далеко не каждый, и для этого нужен настоящий талант.

В. М. высоко ценил талант, когда видел его у своих коллег. К сожалению, некоторых из таких одаренных и неординарных друзей ему пришлось рано потерять. Им посвящены статьи В. М., в которых был показан их источниковедческий дар: статьи об А. А. Зимине и В. Б. Кобрине, помещенные в разные годы во «Вспомогательных исторических дисциплинах». В заключение статьи об А. А. Зимине¹⁴ В. М. писал о «необыкновенном, выдающемся таланте» последнего. Талант заставлял А. А. Зимина не останавливаться на чем-то одном, постоянно меняться. По мнению В. М., А. А. Зимин принадлежал к тем московским историкам, у которых «строгий источниковедческий подход при изучении любой проблемы как бы скрепляет все работы <...> единым стержнем»¹⁵. Хотя в данной статье это не было прямо написано, В. М. неоднократно говорил, что считал А. А. Зимина близким по своим методам и подходам к ученым петербургской школы. Но эти качества шли у А. А. Зимина не от его изначальной выучки, а формировались постепенно. Так «в процессе конкретных источниковедческих изысканий и преподавания в Историко-архивном институте» у А. А. Зимина сложились «общие взгляды на источниковедение и вспомогательные

¹⁴ *Панях В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // ВИД. 1983. Т. 14. С. 107–135.

¹⁵ Там же. С. 108.

исторические дисциплины, их методiku, задачи, междисциплинарные связи, иерархии исследовательских процедур, роль на пути познания прошлого»¹⁶. А. А. Зимин считал методiku, разработанную А. А. Шахматовым для исследования летописания, применимой и для других источников, трактовал ее как новую методiku источниковедения в целом. Он критиковал все попытки отступления от шахматовских позиций, например, в работах А. Г. Кузьмина. А. А. Зими́на вообще беспокоила встречаемая им в исторических исследованиях недостаточная строгость в использовании источников, особенно поздних и не подвергнутых предварительному источниковедческому анализу, «источниковедческая всеядность».

Тем не менее, и это В. М. высоко оценил, А. А. Зимин еще в середине 1960-х гг. пришел к выводу, что «логическое источниковедение» не всегда дает прочное основание для исторического исследования, поскольку может легко привести к модернизации и субъективизму. По мнению А. А. Зими́на, А. А. Шахматов «создавал свою схему древнерусского летописания, в значительной степени исходя из представлений человека конца XIX – начала XX в. о логике исторического повествования»¹⁷. Поэтому необходимо сочетать разные приемы анализа, исследовать идейный смысл летописных памятников, жанровые особенности, образные средства, стилистику, язык, смену хронологических стилей. Таким образом, В. М. увидел и подчеркнул у А. А. Зими́на призыв к междисциплинарности, значение которой для науки в то время было еще не столь очевидно, как сейчас.

В. М. увидел еще одно отличие А. А. Зими́на как источниковеда: он постепенно шел к признанию того, что источники, особенно ранние, часто не дают нам возможности однозначных их трактовок. В этом случае правильнее признать возможность многозначности решений, чем настаивать на каком-то одном из них. При определенных условиях альтернативные оценки не только возможны, но даже необходимы. По мнению В. М., такой подход А. А. Зими́на «отражает эволюцию в его взглядах на роль и отчасти методы источниковедения». В. М. процитировал слова А. А. Зими́на о том, что если ранее он «с восторгом погружался в безбрежное море шахматовской мысли и уверовал во всеислие источниковедения как рычага, способного перевернуть мир исторической науки», то позднее наступил перелом, когда «на смену вере во всеислие логического источниковедения пришла убежденность в необходимости комплексного, всестороннего подхода к источнику». Именно тогда «многовариантность объяснения не стала <...> казаться

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 119.

кошунственной, а наоборот, помогающей приблизиться к познанию истины», и «источниковедение стало занимать свое, но только одно из важных мест в познании истории»¹⁸.

В. М. обратил внимание еще на одну сторону творчества А. А. Зимина. Она касается дипломатики. А. А. Зимин поставил под сомнение или отверг подлинность некоторых известных актов, а другие заново датировал, применив разнообразные методы палеографии, сфрагистики, анализа терминологии, выявления анахронизмов, формуляра и содержания грамоты. Последнее в подлинных актах должно, по А. А. Зимину, соответствовать обстановке, в которой документ создавался. А. А. Зимин, как подчеркнул В. М., считал единственно правильным принципом классификации актов и определения их подлинности учитывание содержания актов, а не только формальный анализ их. Сам В. М. всегда утверждал, и в этом был согласен с А. А. Зиминим, что по-настоящему обосновать поддельность документа можно лишь в том случае, когда помимо использования специальных технических приемов можно выяснить побудительные причины, которыми руководствовались изготовители подделок. Всем этим вопросам и А. А. Зимин и В. М. придавали большое значение. А. А. Зимин выступил против принципа, провозглашенного А. Г. Кузьминым, согласно которому источник обладает «презумпцией невиновности», и если историк хочет подвергнуть его критике, то сначала должен доказать свои подозрения. В противоположность этому А. А. Зимин полагал, и в этом с ним был согласен В. М., что любая презумпция в отношении источника недопустима и что утверждение о подлинности источника требует таких же доказательств, как и утверждение о его неподлинности.

Ровно через 10 лет после смерти А. А. Зимина, которую он тяжело переживал, В. М. потерял еще одного друга — В. Б. Кобрину. Он писал, что вспомогательные исторические дисциплины были «естественной основой всех исследований последнего», и в этом отношении тот шел вслед за А. А. Зиминим и С. Б. Веселовским¹⁹. Еще в статье 1983 г., посвященной А. А. Зимину, о которой шла речь выше, В. М. заметил, что в ряде случаев А. А. Зимин поддержал мнение о подложности актов, высказанное ранее С. Н. Валком. На это было обращено внимание неслучайно. В. М. высоко ценил труды С. Н. Валка по дипломатике, считал его большим авторитетом в этой области и посвятил ему одну

¹⁸ Там же. С. 133.

¹⁹ *Панеях В. М.*: 1) Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобрина // Проблемы отечественной истории и культуры период феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина: тезисы докл. и сообщ., Москва, 26–29 января 1992 г. М., 1992. С. 16–18; 2) Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобрина // ВИД. 1993. Т. 24. С. 304–315.

из ранних статей²⁰. В. М. вернулся потом к этой теме через 10 лет после статьи об А. А. Зимине.

В статье о В. Б. Кобрине В. М. более подробно, чем в статье об А. А. Зимине, писал о том, что перед В. Б. Кобриным стояла задача определить время возникновения актов феодального землевладения, в том числе частных актов. В. Б. Кобрин присоединился к концепции С. Н. Валка о более позднем, чем считали другие историки, времени возникновения частного акта на Руси, особенно на Северо-Востоке (не ранее второй половины XIV в.). По мнению В. М., В. Б. Кобрин «привел ряд новых существенных аргументов в обоснование этой точки зрения». Так, он «обратил внимание на то, что акты рубежа XIV–XV вв. напоминают скорее памятные записки, а не сложившийся документ: в них отсутствует четкая схема построения формуляра (редко указывается, где расположена земля, ставшая объектом сделки, не всегда названы свидетели)»²¹. В. М. высоко ценил осторожность В. Б. Кобринина в отношении спора о репрезентативности дошедшего до нас актового материала. Речь идет о дискуссии между Н. Е. Носовым, который полагал, что сохранилась лишь случайная часть русских средневековых актов, с одной стороны, и С. М. Каштановым и А. А. Зиминим, которые полагали, что до нас дошел репрезентативный комплекс, позволяющий делать выводы о закономерностях выдачи иммунитетных грамот — с другой. В. Б. Кобрин же, как отметил В. М., пришел к выводу «о недостаточной аргументированности обеих точек зрения», полагая, что до нас дошло не менее половины актов из архивов монастырей. Этого, по его мнению, было достаточно для изучения роста земельной собственности церкви, эволюции формуляра актов и изучения цен на землю, но недостаточно для понимания объема и характера землевладения отдельного лица²².

Представляется, что собственный источниковедческий талант В. М. ярко раскрылся в серии его работ о коллегах-историках как источниковедах, но не менее значительны и его труды по истории исследования древнерусского частного акта — болезненной проблеме отечественного источниковедения. Сама суть ее отвечала характеру и темпераменту В. М., которому с самого начала исследовательской работы были интересны именно такие спорные вопросы. Это были работы историографические, но исследовалась историография источниковедения, и тут В. М.

²⁰ *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // ВИД. 1978. Т. 10. С. 55–70.

²¹ *Панеях В. М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобринина. С. 309.

²² Там же. С. 309–310.

показал высокую степень профессионализма при обращении к весьма тонкому предмету. Первая статья появилась в 1978 г. Потом последовал перерыв, и в начале 1990-х гг. вышла серия публикаций на эту тему²³.

В статье 1978 г. В. М. показал, что труды С. Н. Валка в области истории исследований частного акта до того не получали достойного отклика. С. Н. Валк был одним из наиболее значительных ученых в истории ЛОИИ, создателем школы дипломатического источниковедения. В. М. обратил внимание на работы С. Н. Валка 1920-х гг. В. М., как уже говорилось, всегда интересовался проблемой научных школ и отношений учеников с учителями. Рассматривая полемику С. Н. Валка с его учителем А. С. Лаппо-Данилевским, В. М. подчеркнул, что А. С. Лаппо-Данилевский классифицировал акты, исходя из юридического принципа разделения публичного и частного права. Между тем С. Н. Валк полагал, что главную роль должны играть критерии, лежащие в сфере дипломатики как исторической дисциплины. Состав и изучение эволюции акта зависят в первую очередь от среды, где возникает акт. Таким образом, приобретает важность субъект права, от которого исходил акт, и место, где он составлялся. В. М. показал также роль этой полемики в становлении дипломатики как научного направления, в особенности сказавшейся на формировании принципов научного анализа актового формуляра. А. С. Лаппо-Данилевский выделял в акте клаузулы, исходя из юридического и синтаксического принципов. При таком подходе начальный и конечный протоколы акта не играли перво-степенной роли. В противоположность этому С. Н. Валк считал, что конечный протокол, состоящий из подписей контрагентов, послухов, канцелярии и даты, должен рассматриваться как одна из клаузул удостоверительной части акта. С точки зрения дипломатики любой акт, по С. Н. Валку, разделен на две части: одна из них излагает существо сделки, другая ее удостоверяет. Этот подход С. Н. Валка, по мнению В. М., дал начало тому направлению, согласно которому дипломатическое изучение акта становится «одним из эффективных методов анализа

²³ *Панеях В. М.*: 1) Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка. С. 55–70; 2) Время возникновения древнерусского частного акта (историогр. заметки) // История и общество в панораме веков : материалы Всесоюз. Байкал. ист. шк. Иркутск, 1990. Ч. 1. С. 1–3; 3) Время возникновения древнерусского частного акта (историогр. заметки) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. : тезисы докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А. А. Зимина, Москва, 13–18 мая 1990 г. М., 1990. Ч. 2. С. 211–214; 4) О практике издания русского актового материала // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 190–191; 5) История древнерусского частнопроводного акта в советской исторической науке // XVIII Международный конгресс византистов : тезисы сообщ. М., 1991. Т. 2. С. 850–851; 6) Время возникновения древнерусского частного акта (историогр. заметки) // ВИД. 1994. Т. 25. С. 19–40.

исторической действительности в ее эволюции»²⁴. Как видим, В. М. в этой статье оставался верен себе и отстаивал тот же исторический подход к источнику в противоположность формально-юридическому, что и в ранней статье о «деревенских кабалах», в которой выступил против гипотезы В. Г. Геймана.

Большое значение В. М. придавал той части работ С. Н. Валка, в которых последний рассматривал доактовые виды частноправовых сделок. В. М. напомнил, что С. Н. Валк видел частноправовую сделку, укрепленную посредством символического действия, более древним явлением, чем частный акт. Со временем это проявление обычного права сменилось сделкой, совершенной в присутствии князя или его представителя. Исключение составляли северные русские акты, в которых сразу произошел переход от архаических форм к письменному акту, хотя в нем следы этих старых форм отчасти сохранялись. Эволюция частного акта, по С. Н. Валку, — это «процесс исчезновения из него элементов доактовых форм укрепления сделок и усиления удостоверительной части акта»²⁵.

Важнейшим вопросом В. М. считал определение времени возникновения частного акта. По С. Н. Валку, частного акта не было в эпоху Русской Правды, и большинство актов, которые ранее датировались XII–XIII вв., С. Н. Валк считал подложными. Подлинными он признавал лишь духовную новгородца Климента и рядную Тешаты и Якима, подчеркивая при этом, что они были созданы соответственно в Новгороде и Пскове (или Полоцке), то есть центрах, развитие которых шло несколько иным, опережающим путем, по сравнению с другими частями Руси.

Теорию эволюции акта, созданную С. Н. Валком, В. М. считал столь значительным достижением науки, что, по его мнению, теперь все противники мнения С. Н. о подложности ряда древних актов уже «не могут ограничиться утверждением существования частного акта в XI или XII в.», но «им нужно объяснить причину столь длительного переходного периода в истории акта», так как для XI в. формуляр доактового укрепления сделок не вызывает сомнения. Таким образом, по мнению В. М., теперь все работы в области источниковедения частного акта должны быть согласованы с общим построением С. Н. Валка по истории акта.

Как уже было сказано, В. М. привлек внимание ученых к старым работам С. Н. Валка, отчасти забытым, хотя в свое время, в 1936 г. при основании ЛОИИ, именно благодаря им С. Н. Валку было поручено издавать акты. В то время действовал не реализованный в дальнейшем

²⁴ *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка. С. 60–61.

²⁵ Там же. С. 65.

план публикации институтом всех древних актов и летописей²⁶. Позднее как отголосок этого плана С. Н. Валком было осуществлено знаменитое издание Грамот Великого Новгорода и Пскова.

В. М. неоднократно писал о С. Н. Валке. В 2000 г. он принял участие в издании тома трудов С. Н. Валка, подготовленного сотрудниками Петербургского института истории под редакцией В. Н. Гинева: опубликовал тексты нескольких работ С. Н. Валка по теме истории частного акта и написал к ним комментарий²⁷. В статье 1994 г. В. М. подробно разобрал аргументацию С. Н. Валка в споре с М. Н. Тихомировым по поводу частных актов, ранее датируемых XII–XIII в., которые С. Н. Валк считал подложными. Речь шла о следующих актах: о данной и купчей Антония Римлянина; данной Ивана Фомина священнику Лазарю; вкладной Варлаама Хутынского; данной черницы Марины Суздальскому Васильевскому монастырю. Подлинными актами С. Н. Валк признавал немногие частные акты начиная со второй половины XIV в. Поэтому он отнес к данному времени появление частного акта в Центральной России. Частные акты в Новгороде и Пскове (Полоцке), как было упомянуто выше, появились, по мнению С. Н. Валка, в XIII в.

В. М. разобрал те аргументы, которые выдвинул против мнения С. Н. Валка М. Н. Тихомиров, и признал их недостаточными. В. М. посмотрел на противостояние двух ученых в данном вопросе как на противоборство научных школ: петербургской и московской. М. Н. Тихомиров отказался признать подложность вкладной Варлаама Хутынского, данной и духовной Антония Римлянина, данной Марины. После выхода его работ на эту тему для последователей М. Н. Тихомирова вопрос о времени возникновения частного акта считался «решенным» и даже распространилось мнение о том, что сам С. Н. Валк якобы «пересмотрел свое решение». В. М. показал, что последнее не соответствует действительности, но что вопрос о времени возникновения некоторых из вышеупомянутых частных актов остается сложным и спорным. По мнению В. М., основные аргументы С. Н. Валка остались непоколебленными, и вывод последнего о позднем происхождении

²⁶ *Вовина-Лебедева В. Г.*: 1) Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // Летописи и хроники: новые исследования. СПб., 2008; 2) Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 498–521; 3) Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. (Серия: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения). С. 30–38.

²⁷ *Панелях В. М.*: 1) Валк С. Н. Грамоты полные // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб., 2000. С. 574–575. Комментарий; 2) Валк С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Там же. С. 550–555. Комментарий; 3) Валк С. Н. Рец. на кн.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов // Там же. С. 590–593. Комментарий.

русского частного акта за прошедшие годы «обретает черты хорошо обоснованной концепции»²⁸.

В течение нескольких лет в начале 1990-х гг. В. М. думал писать книгу по истории изучения русского частного акта. К сожалению, он впоследствии от этой идеи отказался. Видимо, причин было несколько. С одной стороны, в это время открылись многие ранее недоступные архивы, и В. М. был увлечен возможностью работать с документами советского времени, поскольку всегда хотел заниматься историей XX в. Результатом стало его участие в издании первых выпусков «Академического дела», а также многочисленные статьи на эту тему, в которых он выступил историком и источниковедом²⁹. С другой стороны, занятия историографией частного акта вывели В. М. на историю научных школ, поскольку именно при обращении к этой теме оказалось заметным принципиальное отличие подходов к частному акту М. Н. Тихомирова как ученого московской школы и С. Н. Валка как ученого петербургской исторической школы. Таким образом, хотя от идеи историографического исследования о частном акте В. М. отошел, но отсюда во многом родились его работы по истории науки, прежде всего по истории петербургской исторической школы, и исследования творчества Б. А. Романова как ее представителя. Эти темы оказались безграничными, и В. М. занимался ими до конца жизни.

Виктор Моисеевич скончался летом 2017 г., и нам, его ученикам, друзьям и сослуживцам, еще трудно привыкнуть к этому и трудно писать такие итоговые фразы. Я ограничусь возвращением к тому, с чего начала, — к нашей совместной статье о Я. С. Лурье. В. М. решил, что ее нужно закончить словами о том, что Я. С. следовал принципам петербургской исторической школы. Для В. М. такое признание было самой высокой похвалой, какую можно сделать ученому. Поэтому и я заканчиваю тем же утверждением: Виктор Моисеевич Панеях был ученым петербургской исторической школы, и в его источниковедческих работах это обстоятельство проявилось с несомненной силой.

²⁸ *Панеях В. М.* Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка. С. 61.

²⁹ См.: *Панеях В. М.*: 1) М. Н. Тихомиров в «Академическом деле». 1930 г. // АЕ за 1993 г. М., 1995. С. 36–39; 2) «Академическое дело» как исторический источник // ИЗ. 1999. Т. 2 (120). С. 338–350; 3) Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 гг. // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2, № 3. С. 93–113 (в соавт. с Б. В. Аналиничем); 4) К спорам об «Академическом деле» 1929–1930 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы современной истории: средневековье, новое и новейшее время : сб. статей в честь чл.-кор. РАН С. М. Каштанова. М., 2003. С. 303–319; 5) Русские историки после октября семнадцатого // Vittorio : междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Страды. М., 2005. С. 266–287.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены труды В. М. Панеяха по источниковедению и историографии источниковедения, начиная с его первых работ об источниках по истории холопства, обращено внимание на работы по историографии частного акта и статьи о С. Н. Валке, А. А. Зимине и В. Б. Кобрине. Автор приходит к выводу, что В. М. Панеях был ученым петербургской исторической школы, и в его источниковедческих работах это обстоятельство проявилось с несомненной силой.

SUMMARY

The article deals with the works of V. M. Paneyakha on source study and historiography of source studies, beginning with his first works on sources on the history of servility, drawing attention to the works on the historiography of the private acts and the articles about S. N. Valk, A. A. Zimin and V. B. Kobrin. The author comes to the conclusion that V. M. Paneyah was a scholar of the St. Petersburg Historical School, and in his source studies this circumstance manifested itself with undoubted force.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

В. М. Панеях, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, петербургская историческая школа, критика источника.

KEY WORDS

V. M. Paneyakh, source study, auxiliary historical disciplines, St. Petersburg historical school, criticism of the source.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ананьич Б. В., Панеях В. М. Следствие в Москве по «Академическому делу» 1929–1931 гг. // *Русский исторический журнал.* 1999. Т. 2, № 3. С. 93–113.

Вовина-Лебедева В. Г. Виктор Моисеевич Панеях // Виктор Моисеевич Панеях : (К 80-летию со дня рождения) : библиографический указатель трудов. 1952–2010. СПб., 2010. С. 6–10.

Вовина-Лебедева В. Г. Виктор Моисеевич Панеях // *Времена и судьбы* : сборник в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2006. С. 16–37.

Вовина-Лебедева В. Г. Историк Виктор Моисеевич Панеях // *Клио.* 2017. № 8 (128). С. 206–211.

Вовина-Лебедева В. Г. Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // *Из истории ЛОИИ.* СПб., 2015. (Серия: Санкт-Петербургский институт истории РАН. Доклады и сообщения). С. 30–38.

Вовина-Лебедева В. Г. Н. Ф. Лавров, А. Н. Насонов, М. Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // *Летописи и хроники* : новые исследования. СПб., 2008.

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.

Вовина-Лебедева В. Г., Панях В. М. Я. С. Лурье — источниковед // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. С. 345–363.

Панях В. М. «Академическое дело» как исторический источник // ИЗ. 1999. Т. 2 (120). С. 338–350.

Панях В. М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А. А. Зимина // ВИД. 1983. Т. 14. С. 107–135.

Панях В. М. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобринина // Проблемы отечественной истории и культуры период феодализма : Чтения памяти В. Б. Кобринина : тезисы докл. и сообщ., Москва, 26–29 января 1992 г. М., 1992. С. 16–18.

Панях В. Г. Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии В. Б. Кобринина // ВИД. 1993. Т. 24. С. 304–315.

Панях В. М. Записные книги старых крепостей конца XVI в. // Проблемы источниковедения. 1963. Т. 11. С. 346–363.

Панях В. М. К вопросу о так называемых деревенских служилых кабаках Спасо-Прилуцкого монастыря // Проблемы источниковедения. 1956. Т. 5. С. 141–146.

Панях В. М. К спорам об «Академическом деле» 1929–1930 гг. и других сфабрикованных политических процессах // Россия и проблемы современной истории: средневековье, новое и новейшее время : сб. статей в честь чл.-кор. РАН С. М. Каптанова. М., 2003. С. 303–319.

Панях В. М. Кабальные книги первой половины XVII в. // ВИД. 1979. Т. 11. С. 89–113.

Панях В. М. М. Н. Тихомиров в «Академическом деле» 1930 г // АЕ за 1993 г. М., 1995. С. 36–39.

Панях В. М. Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г : (Опыт реконструкции) // История СССР. 1960. № 1. С. 175–181.

Панях В. М. О классификации и составе кабальных и записных книг старых крепостей XVI в. // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 397–402.

Панях В. М. Проблемы дипломатики частного акта в трудах С. Н. Валка // ВИД. 1978. Т. 10. С. 55–70.

Панях В. М. Русские историки после октября семнадцатого // Vittorio : междунар. науч. сб., посвящ. 75-летию Витторио Страды. М., 2005. С. 266–287.

Панях В. М. Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1975.

Панях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984.

REFERENCES

Anan'ich B. V., Paneyakh V. M. Sledstvie v Moskve po «Akademicheskomu delu» 1929–1931 gg. // Russkij istoricheskij zhurnal. 1999. Т. 2, N 3. S. 93–113.

Paneyakh V. M. «Akademicheskoe delo» kak istoricheskij istochnik // Istoricheskie zapiski. 1999. Т. 2 (120). S. 338–350.

Paneyakh V. M. K sporam ob «Akademicheskome dele» 1929–1930 gg. i drugikh sfabrikovannykh politicheskikh processakh // Rossiya i problemy sovremennoj

istorii: srednevekov'e, novoe i novejshee vremya : sb. statej v chest' chl.-kor. RAN S. M. Kashtanova. Moskva, 2003. S. 303–319.

Paneyakh V. M. K voprosu o tak nazyvaemykh derevenskikh sluzhilykh kabalakh Spaso-Priluczskogo monastyrya // Problemy istochnikovedeniya. 1956. T. 5. S. 141–146.

Paneyakh V. M. Kabal'nye knigi pervoj poloviny XVII v. // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1979. T. 11. S. 89–113.

Paneyakh V. M. Kholopstvo v pervoj polovine XVII v. Leningrad, 1984.

Paneyakh V. M. Kholopstvo v XVI – nachale XVII v. Leningrad, 1975.

Paneyakh V. M. M. N. Tikhomirov v «Akademicheskom dele» 1930 g. // Arheograficheskij ezhegodnik za 1993 g. Moskva, 1995. S. 36–39.

Paneyakh V. M. Novgorodskaya zapisnaya kniga starykh krepostej 1598 g. : (Opyt rekonstrukcii) // Istoriya SSSR. 1960. N 1. S. 175–181.

Paneyakh V. M. O klassifikacii i sostave kabal'nykh i zapisnykh knig starykh krepostej XVI v. // Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 g. Moskva, 1963. S. 397–402.

Paneyakh V. M. Problemy diplomatiki chastnogo akta v trudakh S. N. Valka // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1978. T. 10. S. 55–70.

Paneyakh V. M. Russkie istoriki posle oktyabrya semnadczatogo // Vittorio : mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik, posvyashhennyj 75-letiyu Vittorio Strady. Moskva, 2005. S. 266–287.

Paneyakh V. M. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v nauchnom nasledii V. B. Kobrina // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1993. T. 24. S. 304–315.

Paneyakh V. M. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v nauchnom nasledii A. A. Zimina // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. 1983. T. 14. S. 107–135.

Paneyakh V. M. Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v nauchnom nasledii V. B. Kobrina // Problemy otechestvennoj istorii i kul'tury period feodalizma : Chteniya pamyati V. B. Kobrina : tezisy dokladov i soobshhenij, Moskva, 26–29 yanvara 1992 g. M., 1992. S. 16–18.

Paneyakh V. M. Zapisnye knigi starykh krepostej koncza XVI v. // Problemy istochnikovedeniya. 1963. T. 11. S. 346–363.

Vovina-Lebedeva V. G. Istorik Viktor Moiseevich Paneyakh // Klio. 2017. N 8 (128). S. 206–211.

Vovina-Lebedeva V. G. Istoriko-Arheograficheskij institut i Leningradskoe otdelenie instituta istorii v 1930-h gg. // Iz istorii LOII. SPb., 2015. (Seriya: Sankt-Peterburgskij institut istorii RAN. Doklady i soobshheniya). S. 30–38.

Vovina-Lebedeva V. G. N. F. Lavrov, A. N. Nasonov, M. D. Priselkov i gruppa po izdaniyu russkikh letopisej 1936 g. // Letopisi i khroniki : novye issledovaniya. SPb., 2008.

Vovina-Lebedeva V. G. Shkoly issledovaniya russkikh letopisej: XIX–XX vv. SPb., 2011.

Vovina-Lebedeva V. G. Viktor Moiseevich Paneyakh // Viktor Moiseevich Paneyakh : (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) : biobibliograficheskij ukazatel' trudov. 1952–2010. SPb., 2010. S. 6–10.

Vovina-Lebedeva V. G. Viktor Moiseevich Paneyakh // Vremena i sud'by : sbornik v chest' 75-letiya Viktora Moiseevicha Paneyakha. SPb., 2006. S. 16–37.

Vovina-Lebedeva V. G., Paneyakh V. M. Y. S. Lur'e — istochnikoved // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. SPb., 1998. T. 26. S. 345–363.